

Кавказский пленник — эпизод 7 из 10

Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, ручищи здоровые, вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек 10-ть, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только родился, ночи еще темные были.

Ну, думает Жилин, нынче бежать надо, и говорит Костылину. А Костылин заробел.

Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

Я знаю дорогу.

Да и не дойдем в ночь.

А не дойдем в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые за то, что ихнего русские убили. Поговаривают нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

Ну, пойдем!

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: Полезай. Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была пестрая собака, и злая презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин, забрежал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: Гайть! Гайть! Уляшин!

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло всё; только слышно, овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман,

как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: Ну, брат, айда!

Тронулись; только отошли, слышат запел мулла на крыше: Алла! Бесмилла!

Ильрахман! Значит пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

Ну, с богом! Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли ложиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

Тише, говорит, иди: сапоги проклятые, все ноги стерли.

Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком еще того хуже: изрезал все ноги по камням и всё отстает. Жилин ему говорит:

Ноги обдерешь заживут, а догонят убьют хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, покряхтывает. Шли они низом долго.

Слышат вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

Эх, говорит, ошиблись мы, вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, у меня ноги в крови все.

Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево в гору, в лес. Костылин всё отстает и охает.

Жилин шикнет-шикнет на него, а сам всё идет.

Поднялись на гору. Так и есть лес. Вошли в лес, по колючкам изодрали всё платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

Стой! Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось. Тронулись они опять затопало. Они остановятся и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло слышит. Что за чудо! Свистнул Жилин потихоньку, как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.